

> БЫЛОЕ

Моя «Большая перемена»

ПОСМОТРЕЛ по телевидению «Большую перемену», вспомнил свою ШРМ.

Война отбросила школьную учебу на многие годы. В 1941 окончил седьмой класс, а дальше некогда было учиться: работали в колхозе. В 1943 призван в армию, прослужил семь лет. Приехав в Магнитку, обучался на машиниста электромостового крана, работал в травильном отделении ЛПЦ-2. А учиться хотелось. У всего поколения была неутоленная тяга к знаниям.

Поступил в школу рабочей молодежи № 2, в восьмой класс. Жил тогда в общежитии на левом берегу, в здании, называемом «шестой западный». Много там было металлургов, отсюда вышли известные на комбинате Петр Елесин, Иван Шичкин, Иван Землянский. Сначала жили по шестнадцать человек в комнате, потом нам, учащимся, комендант выделил комнату на троих. ШРМ открыли в этом же здании, так что «ходить в школу» означало перейти из подъезда в подъезд. Учились по полной программе: по четыре часа утром или вечером. Часто я лез на свой кран с сумкой, а в ней — книги: заучивал в свободную минуту стихи, просматривал учебные материалы. Нелегко было: если не поспишь перед ночной сменой, работать особенно тяжело. А работа напряженная, в атмосфере паров серной кислоты. Я чаще ходил в школу не перед ночной сменой, а после. Трудно было сидеть на уроках: закрывались глаза.

Помню преподавателей: Федора и Анну Обуховых, Екатерину Иванову, Елену Остапенко, Фанну Пыхтину, Дину Рейтоль, директора Якова Вайнштейна, потом директором был Александр Дадонов. Только, в отличие от «Большой перемены», не помню, чтобы учителя ходили к нам на производство. И, кажется, все ученики были холостые. Но класс был дружный, праздники и выпускные отмечали вместе, в школе. Все работали, и денежки на такие праздники были: накрывали столы, пели, плясали до утра. Устраивали и самодельные концерты. Помню, выучил рассказ Алексея Толстого «Русский характер» и прочитал его со сцены. Он по содержанию тяжелый — о том, как ожог изуродовал лицо танкиста. Я так прочитал этот рассказ, с душой, до слез — и у меня, и у слушателей. А мы к тому времени были уже не дети: многое повидали и пережили.

Случались и любовные истории: Саша Батаев женился на однокласснице Маше Сулопиной. Катусы на занятиях были разные. «Проходили» по литературе Александра Фадеева. Вдруг кто-то высказался: «А чего его изучать, он же алкоголик!» Все так и залились смехом, учительница еле успокоила. Или писали диктант по повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Учительница диктует: «Лежа на гальке у моря и глядя вверх, в небо, не поймешь, где верх, где низ». Кто-то шепчет: «Гальку» пишете с большой буквы». Тут началось в классе у нас была Галя. Учительница шепот не слышала и была в недоумении.

Прошло три года, окончили мы десятый класс. Тридцать восемь человек окончили ШРМ № 6. Среди них были Александр Колязов, Николай Зелено, Бабий, Володя Куротенко, Саша Батаев, Маша Сулопина, Володя Межунов, Рая Красная, Катя Шенфельд, Галина Савельева, Николай Петин, Насекин, Нагайчев, Ширинкин, Василий Аристов, Николай Рогачев, Тихонов, Кутовой. Жаль, многие имена запомывал. Был прощальный вечер: почти всем классом пошли купаться на Урал возле Зеленострой.

Потом у каждого сложилась своя жизнь. Мы с Володей Межуновым подались в институт на дневное отделение. Для этого я заранее накопил три тысячи рублей, которые растянул на пять лет учебы. Александр Колязов стал врачом. Рая Красная (Ладзынь) — заслуженным работником культуры. Катя Шенфельд преподавала в колледже. Большинство работало на комбинате. С тех пор прошло пятьдесят четыре года. Некоторых уже нет на свете, с другими нет связи. Но каждый раз, когда смотрю «Большую перемену», вспоминаю их.

МИХАИЛ ПЕТРОВ,
ветеран войны и труда

Человек с большой стройки

> Жизнь Авраамия Завенягина — яркий пример преданности долгу и делу

АВТОРИТЕТНЫЙ ЖУРНАЛ «Эксперт» выпустил специальный номер, в котором вспомнил забытых героев России. Один из главных персонажей издания — легендарный директор Магнитки Авраамий Завенягин.

«Делай, что должен, и будь что будет» — известный лозунг, однако следовать этому принципу в жизни способны очень немногие. Авраамий Завенягин, несомненно, был одним из таких людей.

Во многом судьбу Завенягина определила встреча с главой Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ) Серго Орджоникидзе в 1930 году. На счету Орджоникидзе были и борьба с Деникиным, и установление советской власти в Закавказье, и расказачивание. Но вместе с тем Серго относился к числу революционеров-романтиков, искренне веривших в построение прекрасного нового мира и оценивавших людей по их готовности строить этот новый мир. Поэтому развернувшиеся репрессии против «кассово чуждых» специалистов вызывали его резкое неприятие.

Авраамий Завенягин стал для Орджоникидзе счастливым находкой: молодой, с безупречным социальным происхождением, умный, образованный — выпускник горной академии, ученик академика Ивана Михайловича Губкина, знаменитого нефтяника, но еще и главного исследователя Курской магнитной аномалии. Серго пристроил Завенягина в проектный институт Гипромез, но это было лишь временное назначение.

Здесь будет город-сад

В 1932 году Орджоникидзе приехал инспектировать строительство Магнитогорского металлургического комбината, и увиденное ему очень не понравилось. Мало того что стройка сильно отставала от графика, еще и безответственность была налицо. При годовом объеме работ в 200 млн. рублей на строительной площадке лежало оборудование и материала на 108 млн. В результате директор Магнитки Мышков лишился должности, а его место занял тридцатидвухлетний Авраамий Завенягин.

Новый директор быстро понял основную проблему — комбинат нуждался в радикальном расширении сырьевой базы, рудника. Завенягин решил организовать добычу руды открытым способом. В отечественной практике такой подход был новым, поэтому требовался специалист, который сможет воплотить его в жизнь. Таким человеком был профессор Борис Боголюбов, крупнейший в стране знаток рудного дела, в свое

время руководивший проектированием Магнитогорского рудника. Но Боголюбов еще в 1931 году был арестован как вредитель и приговорен к десяти годам ссылки. Завенягин через Орджоникидзе начал добиваться его освобождения, и добился. Вскоре Борис Боголюбов приехал на Магнитку.

Пока профессору подыскивали жилье, Завенягин поселил его в своей квартире. Начальник магнитогорского НКВД капитан Придорогин по этому поводу сделал директору комбината замечание: нельзя селить у себя дома врага народа. Реакция была неожиданной — Завенягин потребовал улучшить питание политзаключенным, работающим на строительстве (на Магнитострое трудилось более 32 тыс. осужденных по 58-й статье и еще около 50 тыс. спецпереселенцев, раскулаченных крестьян). «Мне нужна рабочая сила, а не дохлаки! Чем лучше мы будем их кормить, тем больше получим выгоды!» — заявил он, проигнорировав замечание по поводу опального профессора.

Боголюбов полностью оправдал ожидания Завенягина. В 1936 году рудник Магнитки выдал 5,5 млн. тонн готовой руды, в то время как, например, вся железорудная промышленность Германии дала 4,7 млн. тонн. В том же году Магнитогорский комбинат выдал чугуна больше, чем Италия и Канада вместе взятые. В 1937 году производство ММК выросло по сравнению с дозавенягинским периодом в полтора-два раза (по разным видам продукции). «Правда, в США на обслуживании печи, подобной магнитогорской, занято только 128 человек, на нашем же заводе на каждой печи работает свыше 200 человек», — сокрушался Завенягин. — Эти цифры свидетельствуют о больших резервах повышения производительности труда».

Что значила для страны продукция Магнитки, объяснил во время приезда на Магнитострой в 1934 году Серго Орджоникидзе: «В прошлом году мы выписали из-за границы черного металлопроката на 60 млн. рублей золотом, в этом году мы также ввозим прокат из-за границы на сумму около 40 млн. рублей. Немало хлеба и мяса нужно вывезти из страны, чтобы заплатить за металл и требующиеся нам машины. А если мы поднажмем и скорее пустим стан «500», то сможем значительно меньше выписывать металла из-за границы. Это значит, что мы будем вывозить меньше товаров и продуктов, в которых у нас в стране ощущается недостаток».

Кстати, в тот же приезд Орджоникидзе распорядился «ввиду совершенно недопустимого, безобразного состояния детских яслей и садов» переподчинить комбинату, то есть Завенягину, все детские учреждения, обслуживающие детей рабочих комбината, а также приказал развернуть строительство новых яслей и детских садов. И хорошего жилья для рабочих. «Мы строили бараки, но теперь надо создавать более или менее сносные бытовые условия», — заявил Орджоникидзе. — Надо построить такие дома, чтобы рабочие чувствовали себя дома хозяевами страны».

Завенягин не возражал: распоряжения Орджоникидзе, направленные на строительство новой жизни для рабочих, полностью соответствовали его личным убеждениям. «Нам видится новый чудесный город», — вспоминал он позже. — Мы говорили о том, что жильные дома социалистического города должны иметь привлекательный, жизнерадостный вид. Чтобы решить жилищную проблему, мы пошли и на строительство индивидуальных домов для рабочих. Металлурги, горняки, строители чрезвычайно охотно брали кредиты и строили дома с приусадебными участками. Мы положили начало магнитогорскому садоводству и огородничеству. Когда бросили лозунг «Превратим Магнитку в цветущий сад!», кое-кто посмеивался, считал это маниловщиной. А я взял и разбил около своего дома садик — посадил яблони, вишни, развел цветы. Мой сад на Магнитке был если не первым и единственным фруктовым садом на Урале, то, во всяком случае, одним из весьма небольшого количества садов. Я не слышал в те годы, чтобы где-то на Урале были фруктовые деревья».

«Мы решили вас не добывать»

Однако реальность все больше контрастировала с мечтами Завенягина. Весной 1936 года НКВД фабрикует дело «О деятельности диверсионной троцкистской организации на Уралвагонстрое, Уралвагонзаводе, в ходе которого было арестовано около двух тысяч человек, в том числе руководители стройки и завода. Сталин требует от Орджоникидзе выступить на февральско-мартовском (1937 год) пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «Об уроках вредительства, диверсии и шпионажа японско-немецко-троцкистских агентов». Орджоникидзе подготовил проект своего доклада, в котором практически не упоминалось вредительство в тяжелой промышленности, а упор делался на необходимость устранения имевшихся в ра-

боте недостатков. Незадолго до пленума Серго вызывает Завенягина в Москву, на должность заместителя наркома тяжелой промышленности.

17 февраля 1937 года Николай Бухарин случайно встречает Орджоникидзе на Красной площади, тот сообщает, что идет к Сталину, обсуждать доклад, подготовленный к пленуму. «Настроение у него было боевое», — отметил Бухарин. На следующий день, 18 февраля, Завенягин приезжает в Москву, звонит в наркомат, и ему сообщают, что Орджоникидзе умер от сердечного приступа.

Выступать на пленуме ЦК вместо Орджоникидзе приходится ему. «На Магнитке работал известный Марьясин, он строил коксохимический завод и построил его явно вредительски», — отметил Авраамий Павлович. — Для навыводнейшей передачи кокса коксовые печи надо было строить против доменных печей: первая батарея, вторая батарея, третья и четвертая батарея. Однако вредитель начал строить с восьмой батареи. И, таким образом, получилось, что доменные печи на одном конце, а коксовые батареи — на другом. Соединили то и другое временным транспортером длиной почти в километр. Этот транспортер стал очагом постоянных аварий, больших простоев коксовых и доменных печей, огромных потерь в производстве. Железнодорожные пути и кабели проложили времянками, вся земля осталась, агрегаты цеха оказались в канавах и котлованах. Нам пришлось потом на ходу эту землю вынимать и вывозить, кабели и пути перекаладывать, что стоило чрезвычайно дорого».

Важный момент: бывший начальник магнитогорского Коксохимстроя Лазарь Марьясин в 1935 году был переведен в Нижний Тагил, где и стал одним из основных фигурантов «дела Уралвагонзавода». Его арестовали еще в апреле 1936 года, о чем Завенягин не мог не знать. Вероятно, понимал он и то, что Марьясина ждет расстрел, поэтому открыто сваливал на него все проблемы Магнитки. Впрочем, вполне возможно, что Завенягин искренне считал Марьясина вредителем — слышком много сил потребовалось на исправление того, что наделал бывший глава Коксохимстроя.

Впрочем, основной темой завенягинского доклада было не вредительство. «Технические показатели наших заводов стали весьма неплохими, но всем известно, что наши предприятия очень сильно отстают от лучших зарубежных предприятий в отношении порядка кадра, чистоты, содержания оборудования, количества ремонтов и так далее», — перечислял Авраамий Павлович. — У нас неблагоприятно с себестоимостью: поступающие грузы не взвешиваются ни отправителем, ни получателем, идет взаимное надувательство, показывают лишние тонны... Цены составлены так, что в прошлом году затраты на сырье были больше, чем стоимость готовой продукции. В планировании выработался какой-то шаблон, и каждый год план начинается с того, что в шаблон заносятся цифры, как правило, совершенно не критические. И составленный таким образом план начинает действовать. Я давно работаю в промышленности, но анализа плана не видел ни разу. Между тем в наших планах оказывается немало диспропорций. Например, наши химические цеха ежемесячно стоят, недообрабатывают тысячи тонн удобрений, бензола, толуола и других продуктов из-за отсутствия серной кислоты. А все металлургические заводы воюют из-за недостатка этих материалов».

Таким образом, еще в 1937 году Завенягин сформулировал основные проблемы планового хозяйства, которые в СССР так и не удалось решить до самого распада Советского Союза. Самое удивительное, что его доклад был одобрен пленумом ЦК, и Авраамий Павлович был утвержден в должности замнаркома тяжелой промышленности.

Продолжение — в следующем номере «ММ»

Выжгли символ на спинах

> С молчаливого согласия властей бандерцы устраивали побоища

ФРОНТОВИКИ дорожат прошлым, часто перебирают его в памяти. Я с двадцать шестого года.

В начале войны жил и учился в селе, а в скором третьем меня призвали. Погода проходила службу в Колтубановских лагерях — в школе снайперов. Потом мы влились во вторую Гвардейскую армию, прибывшую на Смоленщину из Крыма. Участвовали в освобождении Белоруссии, Литвы. Брат Иван в звании капитана погиб при освобождении Литвы в городе Ливаны. После я не раз бывал там на братском кладбище.

В шестидесятые довелось в родном Грачевском районе Оренбургской области зайти в совет ветеранов по вопросу награждения брата — посмертно. Поднимается мне навстречу человек: «Не узнаешь?» Узнал: мой однополчанин Борис Михайлович Фролов, к тому времени председатель совета. Так восстановилась давняя дружба. Через много лет, когда он умер, я написал о нем в районную газету. Его вдова переслала публикацию в Херсон его однополчанину Александру Михайловичу Воробьеву, а тот ей отписал, что знает автора: служил со мной в Колту-

бановских лагерях. Так через несколько десятилетий мы случайно наткнулись друг на друга. До сих пор переписываемся.

Александр Михайлович и сейчас живет в Херсоне. Человек он образованный, немало повидавший, руководил геолого-разведочной партией в Монголии, встречался с Молотовым, когда того назначили советским послом в Монголии. Внимательно следит за событиями в стране и мире. В последнем письме в конце июня он откликнулся на львовские события в дни празднования Победы. Мне его мнение близко, хочу поделиться мыслями и с вами, привожу текст дословно:

«Чтобы понять львовские события, нужно обратиться к истории города. Львов основан году в 1620 польскими королями и до советской поры был чисто польским — Западной Украине (Галиции) никогда не принадлежал. В тридцать девятом, когда СССР и Германия поделили Польшу, население Львова процентов на 60–70 было польским, на 10–20 — еврейским, на 12 — украинским, еще 2–3 процента составляли другие национальности. Поляки называли их быдлом, и трудились они уборщиками,

официантами — в общем, в службе. Недолгое довоенное советское время — в 39–41 годы, Львов входил в состав УССР. Многим полякам в это время разрешили уехать в Польшу, их место заняли евреи и западные украинцы — вчерашние хуторяне, жители местечек и городков. Жители встретили немецкие войска радушно, с желто-голубыми знаменами. Однако в годы немецкой оккупации многие евреи были уничтожены в концлагерях.

Молодежь — до ста тысяч, готова была записаться в дивизию СС «Галиция», куда отобрано всего 10–15 тысяч человек. Из них сформировали охранно-карательные и противопартизанские части, послужившие основой Украинской повстанческой армии, а затем бандеровско-мельниковских формирований для борьбы сначала с немцами, а после с Красной Армией за «Свободную Украину». Только свободной она должна была стать лишь для своих, галичан, которые восточных украинцев называли москалями.

Я повидал, чем занимались эти «братья», когда ранило под Краковом: к концу января меня перевезли под Львов, который в то время был центром 1-го Украинского

фронта. Во Львовском национальном театре был пересыльный госпиталь, отсюда меня направили в соседний госпиталь-монастырь, где сестрами были монашки. Каждую ночь слышались выстрелы: бандеровцы охотились за красноармейцами. Уже в июне сорок пятого меня перевезли в глубокий тыл — Бакинский госпиталь, и там я встретил молодых солдат-украинцев, побывавших в лапах своих земляков — бандеровцев: на спинах им выжгли символ — трезубец, а на правых руках отрубили пальцы, чтобы не могли стрелять.

А теперь сыновья и внуки бандеровцев устраивают побоища еще живым ветеранам: срывают георгиевские ленты и медали, забрасывают дымовыми шашками. А правительство и президент Украины спустили все на тормозах. Партию «Свобода» не запретили. И это цивилизованное государство».

А еще в письме мой друг сообщил, что болени берут свое. День Победы он встретил в кругу семьи, принимал поздравления по телефону и получил девятьсот гривен от правительства... ☹

ПЕТР МИХАЙЛОВ,
ветеран войны и труда

> Вряд ли сегодняшний ученик расскажет наизусть «Русский характер» Алексея Толстого